

Советская Россия. — 1990. —

СВОЙ

1-й апр. — с. 4.

ПРЕДЕЛ

Всеволод Санаев
о Борисе Андрееве

Я СЧИТАЮ, преимущество долгожителя заключается в том, что в течение жизни мы видели разные времена и, главное, встречали таких людей, которые олицетворяли собой все лучшее в своем времени. Мне очень повезло — и не потому, что уже много живу, а потому, что я работал рядом с великолепными людьми нашего искусства. Ну взять хотя бы Художественный театр... Я застал его в самом расцвете (это было в довоенное время), на сцене были почти все его корифеи, оставившие глубокий след в русском, да и, пожалуй, в мировом сценическом искусстве. Но времена менялись, менялись и люди в Художественном театре. И я понял, что в общем-то мне нет места в нем: конечно же, можно было довольно сносно существовать и в том коллективе, но человек, наверное, обязан более строго и ответственно относиться к себе, и я чувствовал, что способен на нечто большее, чем те роли, которые мне предлагали во мхатовских спектаклях. Так я связал свою судьбу с кинематографом. И вот уже более пятидесяти лет остаюсь ему верным, хотя, конечно, и здесь времена не раз круто менялись.

Круто менялись и времена нашего Театра-студии киноактера. Сорок лет проработал я в нем, и мне есть что сравнить: театр организовали в 1944 году, а я пришел в него в сезоне 1945/46 годов. Тогда здесь было соцветие великолепных актерских имен: представьте себе — Эраст Гарин, Сергей Мартинсон, Николай Крючков, Борис Андреев, Петр Алейников... Это люди, давшие славу советскому кинематографу! Я уж не говорю о плеяде выдающихся актрис!..

Так вот, если взять моих друзей-актеров, каждый из которых, как вы можете судить, был выдающейся личностью, то среди них Борис Андреев выделялся особо. О нем написано немало, но, на мой взгляд, все-таки недостаточно. Почему? Всем замечен был прежде всего его внешний облик, но за его богатырской внешностью, невозмутимой и грубовато-простодушной силой, молчаливостью редко кто видел особенности его личности, мало кто проникал в его личную жизнь. Тогда бродило (да, по-моему, и сей-

час бродит) немало разных легенд, домыслов, слухов. А он жил необыкновенно насыщенной внутренней жизнью. Я, например, не знаю, что читал когда-нибудь наш всеобщий любимец Петр Алейников. Он жил какой-то завораживающе импульсивной жизнью, легко растрчивал себя и с такой же легкостью существовал на экране, покорял своим обаянием. Но вот с книгой я его не помню. А Борис Андреев был не только мудрым читателем, он увлеченно собирал книги, причем откапывал иногда совершенно уникальные издания. И постоянно читал, вникая в каждую книгу, влюблялся в нее, работал с ней. У него, пожалуй, из всей нашей актерской братии была самая крупная и, главное, прочитанная им библиотека. Любовь к книге он передал и своему сыну — Борису, который недаром стал ученым, тоже связав свою судьбу с кино.

«Я всегда искал легкий хлеб, потому жизнь моя была невыносимо тяжелой...» — так однажды пошутил Борис Андреев. Это — так. Только вот никогда он не искал легкого хлеба. Сказано же это им скорее по поводу стойкой легенды, что вот, мол, актерский хлеб — легкий: это ведь не у мартена тебе стоять или в шахте рубить уголь? Конечно, каждый труд имеет свои радости и свои иные стороны. Наш, актерский, тут не исключение. Потому и старают быстро даже самые мужественные, сильные натуры. Вот и Борис Андреев, из саратовских рабочих (хотя гуляет и такая кем-то пущенная «легенда», будто он — из волжских купцов, любителей погулять, покурить!), так сказать, рабочая косточка плоть от плоти, прожил не столь уж долгую, по нынешним временам, жизнь. Ему нынче исполнилось бы всего 75, а нет его с нами уже восемь долгих лет. И многое он не успел сделать, не смог. Не из-за себя, а из-за того, что часто, увы, к нему относились в кино потребительски, приглашали на съемки из-за внешних данных и не очень-то вглядывались при этом в духовную суть его внутреннего мира. Сколько мук, невидимых миру актерских слез про-

исходит в нашем кино из-за этого — трудно даже передать! Сколько недодано актерами в связи с этой режиссерской близорукостью прекрасных образов, которые могли бы стать гордостью нашего экрана!

«Сам я пришел в киноискусство много лет тому назад, снявшись в фильме «Трактористы» в роли молодого колхозника Назара Думы, — говорил Борис Андреев. — Образ этот изначально был мне близок. Ведь я с детства находился в окружении простых людей, тружеников. Невольно я отдаю им предпочтение при выборе роли. С понятием простого человека, труженика у меня связано представление об основах духовной и физической красоты нашего народа».

Да, именно эти качества — духовная и физическая красота — были для него основополагающими. Я отнюдь его к тем мастерам, которые постоянно думали о воссоздании на экране русского характера, подлинно народного героя. Есть ли смысл напоминать многие работы Бориса Андреева? Они ведь в многих на памяти. Но все же я хотел бы обратить внимание читателей на то, что за внешней грубоватостью и простотой в его образах всегда присутствуют душевная щедрость, нежная суровость человечности. Вспомните его Харитона из «Большой жизни», Сашу из «Двух бойцов», Якова Бурмака из «Сказания о земле Сибирской», Илью Журбина из «Большой семьи», Савву Зарудного из «Поэмы о море»... Он был и разнохарактерным актером, которому оказались подвластными и такие образы, как жестокий Баукин («Жестокие») или трогательно неж-

ный матрос Лучкин из «Максимки», купец Ванюшин («Дети Ванюшина»), пират Сильвер («Остров сокровищ»), даже Илья Муромец в одноименной кинобылине... Ему был доступен и чеховский горький юмор (фильм «Сапоги всмятку»). Одной же из вершин его искусства стал образ Вожака в «Оптимистической трагедии», где я играл с ним рядом, создавая тоже необычный для себя образ Сиплого. О его Вожаке можно писать целые исследования: так точно актер воплотил в нем политические страсти и характер того времени!..

НО ТАК ЛИ счастливой была его актерская и личная человеческая судьба? Как она у него складывалась? Это всегда тайна, тайна человека, который сам поверяет и испытывает в деле свою судьбу, свое сложившееся мировоззрение, свои представления об окружающей жизни, о доме, семье... Он все осознал, все понимал, чувствовал, что складывается удачно, а что нет. Будучи человеком прямым, но в то же время редкой нравственной деликатности, он не очень-то распространялся о своих личных сложностях. Это было его личным делом. И вмешиваться в него он не позволял никому.

А если говорить о его творческой судьбе, то она позволила ему, несмотря ни на что, стать настоящим явлением в нашем искусстве. Поколение, к которому он принадлежал, мне представляется само по себе уникальным. Удивительна сама творческая атмосфера жизни этого поколения, почти полностью уже ушедшего, но оставившего незабываемый след в истории нашего кино. Из них остался ныне Николай Крючков — наша живая история. Кто еще?.. Кого поставим рядом? Но у Бориса Андреева при всем том общем, что объединяло нас всех, был свой собственный взгляд на все, своя точка зрения на искусство, на литературу, на политические события. Конечно, вот эта его прямота суждений, в том числе и о людях, с кем он работал, общался, конечно же, вызывала неоднозначную реакцию. Но и настоящее уважение!..

Я БЫВАЛ и в доме у Бориса Андреева. И снимался с ним. И принимал участие в разных фестивалях. И потому знаю, что он никогда, ни к кому не приспосабливался. И, естественно, нередко страдал от этого. Далеко не всегда сходилась он близко с разными людьми. Зачастую оказывался на голову выше тех, с кем приходилось работать. А если вспомнить, что за прямым словом он в карман не лез, то можно представить, что работало ему далеко не всегда просто. На самом же деле он был тонко чувствующей, легкоранимой натурой. Хотя работать с ним было нелегко: уж если он что-то продумал, если вымечтал свой образ, сдвинуть его с выбранной позиции оказывалось непросто. Он не всегда воспринимал какое-то другое решение режиссера. Когда в «Оптимистической трагедии» я в роли Сиплого спрашивал Андреева—Вожака, кому же можно доверять, режиссер предложил ему ответить просто и вкосо: «Тоже не верь!..» Но Борис заулыбался и произнес эту фразу по-своему, как-то резко, даже озлобленно, с типично андреевской грозовой «раскаткой» слов: «Тоже не верь!..» Для его анархиста-Вожака это имело какой-то иной, вселенски обобщающий характер: никому не верить — это же жестокая философия человека, изверившегося во всем, может, даже в себе!..

Он был во всем высочайшим профессионалом, блестящим мастером, настоящим эрудитом. Что ж, теперь, когда смотрю эти кадры фильма, я думаю: все же Борис Федорович оказался прав. Слишком много говорит нынче разных слов, затемняющих смысл, позицию говорящего. Важно же — дело, поступки, действия человека, добр он или недобр в жизни, какие цели преследует, какую позицию занимает. Безверие — страшная, разрушающая сила!..

Однажды произошел у меня с ним такой случай. Режиссер Леонид Морягин предложил мне сняться в фильме «Директор». Я прочитал сценарий, в котором была масса длинных монологов. Одно дело — в театре: там есть возможность поработать над монологом на репетициях, в телеви-

зионном кино такой возможности почти нет. Это значит — днем ты снимаешься, а ночью мучаешься над очередным монологом, распутывая текст, запоминая его. Это же каторжная работа! И я отказался. Тогда Морягин пригласил Андреева. Борис начал сниматься, а потом мы с ним разговорились. Он спросил меня: «Как ты, Сева, все-таки можешь определить свой предел: что твое, а что — нет?» Что ответить? Надо сказать, что и я ведь ошибался немало: отказался сниматься в таких фильмах, как «Премия», «Иду на грозу»... В общем, таких, без моего участия, каргин, имевших потом завидную судьбу, у меня оказалось аж восемнадцать! Мне же казалось, что сценарии их в чем-то фальшивы. Узнав мои аргументы по поводу «Директора», он (а где-то была снята уже половина фильма) согласился: «Ты, конечно, прав... Фильм меня измотал: днем снимаюсь, ночью учу монологи...». Но надо сказать, что он доказал, что является настоящим Мастером. Директора он сыграл превосходно. Что это? Только ли талант? Только ли сжигающая, доходившая до самопожертвования дисциплина и чувство высочайшей ответственности? Нет, это, конечно же, искусство, мастерство. И понимание, что от твоего успеха зависит успех труда твоих товарищей, успех картины, нужной зрителям. Во всяком случае на телеэкране все было у него доподлинно верно, жизненно, наполнено горячим актерским сердцем. И возникала фигура героя — необыкновенная, колоритная, яркая, нестандартная. В общем, достойная Бориса Андреева!

Вот таким он и запомнился миллионам зрителей во всех своих кинолентах. Он был влюблен в сильного человека на экране. Он служил ему верой и правдой. И потому, когда сейчас смотришь фильмы с его участием, невольно думаешь о нем как о нашем современнике. Фильмы, даже самые известные, быстро стареют. А вот его образы обладают удивительной глубиной и жизненностью. Они преодолевают время, перестают быть сиюминутными.

Наверное, в этом и есть настоящее счастье Артиста!..